

ДЖОН ЭКТОН (1834-1902)

John E. E. D. Acton (1834-1902)

Джон Эктон (John E. E. D. Acton) был одним из образованнейших людей своего времени, он очень много читал, его личная библиотека насчитывала 59 тысяч томов (!) При чтении, он обычно отмечал в книге абзацы, представляющие наибольший интерес, а потом переписывал их на отдельные карточки, которые он раскладывал по разным ящикам, в зависимости от предмета. В 60-летнем возрасте он стал профессором Кембриджского университета. Несмотря на тяжеловесный стиль его публикаций, его устные лекции по истории пользовались большим успехом не только среди студентов университета, но и среди широкой публики. В 1899-1900 гг. он координировал работу по изданию многотомного коллективного труда *The Cambridge Modern History*.

Эктон (Актон) был англичанином "не больше, чем наполовину". Родился он в Италии, учился в разных странах, путешествовал по Соединённым Штатам, присутствовал на коронации Александра II в России, умер в Германии. Он едва ли привлёк бы моё внимание, если бы не был другом, советником и литературным редактором Гладстона. Эктон отличался жгучей ненавистью к авторитарному государству, вне зависимости от его национального и политического устройства. Практически любое государственное правление – монархическое, демократическое, социалистическое – он считал враждебным по отношению к рядовым гражданам и ущемляющим права свободной личности. Ему принадлежит знаменитый афоризм: *Power tends to corrupt, and absolute power corrupts absolutely* (Власть развращает человека. Абсолютная власть – развращает абсолютно).

Его самые известные работы "История свободы в эпоху античности" и "История свободы в эпоху христианства"¹. В последней есть интересные мысли и факты, но, в целом, она показалась мне довольно скучной, несмотря на огромную эрудицию и

¹ См. отрывки в кн.: «О свободе : антология западноевропейской классической либеральной мысли», ред. М. А. Абрамов. М. : Наука, 1995, с.393-413. См. полный текст в кн.: Актон, Джон. "Очерки становления свободы" (*The History of freedom and other essays*) / Лорд Актон (Джон Эмерик Эдвард Дальберг-Актон); Пер. Юрия Колкера; Под ред. А. Бабича; Предисл. Оуэна Чадвика. London : Overseas publ. interchange, 1992.

либеральные убеждения автора. Для того, чтобы слить враждебные племена в нацию, – пишет Эктон, – требовалась не свобода, а сила. Его идеалом является, по-видимому, самоуправление народа: повинаясь законам, с которыми все согласны, люди управляют сами собой. Способность к самоуправлению и самоконтролю вызревает, подобно языку, в характере народа и возрастает вместе с его ростом...

Здесь, однако, возникает сразу несколько вопросов. Есть ли такие законы, с которыми все согласны?.. Где границы между местным самоуправлением и центральной властью? Это один из самых сложных вопросов государственного устройства, особенно – в многонациональных государствах. Наконец, я не уверен, что язык "вызревает" в характере народа. Я бы сказал, что в языке отражается характер народа, который формируется под воздействием исторических и географических условий его развития...

Можно указать на несколько интересных замечаний Эктона о Французской Революции, которые наводят на соответствующие размышления об Октябрьской революции 1917-ого года в России (**NB** История будущего написана в прошлом, – говорит Эктон).

Ришелье утверждал, что бедствующий народ невозможно удержать в повиновении. Целью соперничающих партий была абсолютная власть, а не свобода, но свобода была средством, с помощью которого власти призывали народ под свои знамёна. Народ никогда не должен вручать свою судьбу властям, если не может их контролировать. Массы редко заражались фанатизмом, и их преступления обычно являлись результатом холодного расчёта беспринципных политиков (Макиавелли считал, что самая досадная помеха для разума – это совесть, и что успешное правление совершенно невозможно, если правители стесняются себя нормами обычной морали). **NB** Страсть к равенству сделала несбыточной надежду на свободу. А когда власть поборола всех врагов и недругов, она стала религией...

Джон Эктон считал настойчивость, умеренность, индивидуализм и чувство долга качествами, которые дали английской нации её превосходство.

Я бы добавил к этому здоровый практицизм и рационализм, результатом которого является известное недоверие англичан к умозрительной философии: What is mind? – No matter. What is matter? – Never mind...

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ (1895)

лекция, прочитанная при торжественном вступлении в должность
профессора в Кембридже 11 июня 1895 года

У истории нет конца, потому что история совершившаяся и история совершающаяся суть вещи, с научной точки зрения неразделимые, а при разделении – лишаящиеся смысла.

То, что сегодня настоящее, завтра будет прошлым...

Современность отличается от новой истории тем, что многие из текущих событий не могут быть доступны нам в необходимой полноте и определённости. Живущие не раскрывают своих секретов с откровенностью покойных; один из ключей всегда отсутствует, и для достижения необходимой точности должно сойти со сцены целое поколение.

История покоится на достоверности фактов. Но как ни важна достоверность, ещё большее значение имеет беспристрастие.

Полное политическое беспристрастие невозможно. Я думаю, что беспристрастие означает способность найти в каждом или почти в каждом человеке или событии что-то положительное.

Самые святые и бескорыстные наши убеждения должны формироваться в неподвижной атмосфере, над бурями и смятением нашей насыщенной деятельностью жизни. История заставляет нас держаться твёрдых убеждений, оберегает от временного и преходящего.

Нам вверено не упускать из виду движение идей, которые являются не следствием, но причиной событий.

Весьма спорное заявление...

Я определяю новую историю (modern history) как период, начавшийся четыреста лет назад, отграниченный отчётливо различимой чертой от непосредственно предшествующего ему времени и несущий в себе присущие только ему отличительные особенности. Новое время пришло на смену средневековью не в обычном порядке, с передачей внешних символов на права законного наследования. Нагрянув внезапно, оно установило новый порядок вещей, подчиненный закону обновления, который незаметно подтачивал древнее царство непрерывной преемственности.

Последовательное освобождение, постепенный переход от слепого подчинения к независимости есть явление первостепенной важности. Если Прошлое выступает в роли препятствия и обузы, то знание Прошлого является вернейшим и надёжнейшим раскрепощением...

Мы не можем позволить себе бездумно потерять из виду великих людей и достопамятные судьбы, мы обязаны, насколько это возможно, собирать и хранить всё, достойное восхищения, ибо число подобных объектов неуклонно сокращается...

Мы находимся в самом начале документальной эры, которая будет тяготеть к тому, чтобы сделать историю независимой от историков...

Если говорить о людях вообще, мне следует оправдать то особое внимание, которое я уделяю новой истории, тем, что она есть повесть о нас самих, рассказ о нашей собственной и ничьей больше жизни, об усилиях, всё ещё не отброшенных и не забытых, о проблемах, которые всё ещё занимают сердца людей... Новая история – самая мощная составляющая формирования личности.

Движение к самоуправлению, неизменность прогресса в направлении организованной и гарантированной свободы, есть характерная черта новой истории.

Историк должен держаться правила выискивать все мыслимые достоинства другой стороны и избегать какого бы то ни было пристрастия или благоприятного преувеличения,

когда речь заходит о его своей собственной стороне. Имеется большая правда в высказывании, что историк выставляет себя в наилучшем виде там, где он по видимости отсутствует.

В наше время, когда коммерция восстала против землевладения, а мысль индивидов – против веками заведённых порядков, ни правительства, ни меньшинство, ни большинство не могут более требовать прямого повиновения.

Только там, где в течение долгого времени шли напряжённые поиски и накопление опыта, где утвердились испытанные убеждения и глубоко усвоенное знание, где достигнут высокий уровень всеобщей нравственности, образования, мужества и самоограничения, можно найти общество, демонстрирующее условия жизни, в сторону которых человечество продвигалось и продвигается в течение последних четырёхсот лет.

! Торжество революционера унижает, если не уничтожает историка. Истина состоит в том, что революция – это не крушение, а обновление истории.

Другими словами, после революции всё будет так же, как и до неё, но на некоем новом уровне... Развитие по спирали...

Раскрепощение, в условиях которого мы живём и трудимся, заключается в усилиях классифицировать и упорядочить революцию и объяснить её действием естественных исторических причин.

Многие немецкие историки рассматривают революцию как заблуждение века, как болезнь, лечить которую надлежит путём исследования её происхождения, не жалея усилий на то, чтобы соединить разорванные связи и восстановить нормальные условия естественного постепенного развития.

Французская либеральная школа оправдывала революцию, видя в ней правильный и закономерный результат хода исторического развития, зрелый плод истории.

Таковы два основных направления мысли поколения, которому мы обязаны научными представлениями и методами, сделавшими историю столь непохожей на ту, какую её видели до этого.

Наша цель, то важнейшее, чему следует научиться, есть не искусство накопления сведений, но более высокое искусство исследования накопленного, отделения истины – от вымысла, несомненного – от сомнительного.

Изъяны психики и сознания, являющиеся нашими общими бедами. Во-первых, это недостаток активного понимания последовательности и действительной значимости событий; будучи губительным для политического деятеля, он в то же время разрушителен и для историка, ибо историк есть политик, обращенный лицом к прошлому.

Автор исходит из того, что политика интересна всем, а стало быть и история политики интересна всем. Но это далеко не так. Да, 99% всех книг по истории посвящены войне и политике, а не повседневной жизни обычных людей и среднего класса, и это грустно...

Суди талант по его лучшим достижениям, а личность – по ее худшим проявлениям.

Голдвин Смит (Goldwin Smith): "Здравая историческая этика оправдывает жестокие меры в жестокие и страшные времена, но она никогда не оправдывает предательства, убийства, лжесвидетельства, ибо именно они и делают времена жестокими и страшными".

Русский перевод в кн.: Актон, Джон. "Очерки становления свободы" (*The History of freedom and other essays*) / Лорд Актон; Пер. Юрия Колкера; Под ред. А. Бабича; Предисл. Оуэна Чадвика. London : Overseas publ. interchange, 1992

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Новая история повествует о том, как последние четыре столетия преобразовали условия средневековой жизни и строй ее мысли. В отличие от Нового времени, Средние века были эпохой стабильности, непрерывности, инстинктивной эволюции.

По мере того, как принуждение в обществе отступало, значение совести возвышалось. Начинается энергичное формирование и развитие независимой личности, протекающее под контролем совести. Способность отличать добро от зла перестаёт быть исключительным верховным правом государства, народа или народного большинства.

Прогресс в новой истории прокладывал себе дорогу посредством революций. Страны одна за другой переживали кровавые потрясения народной борьбы, направленной на то, чтобы избавиться от прошлого, изменить законы общественного успеха... В целом, движение осуществляется от силы и жестокости к согласию и дружескому соединению, к человечности, разумному убеждению и постоянному обращению к общим, простым и самоочевидным принципам.

В последнее время, благодаря постоянному развитию приспособляемости и распространению сходных влияний, сгладились различия между людьми. Народами множества стран управляют одни и те же интересы, владеют одни и те же чувства и страсти; их занимают одни и те же проблемы.

Триумф и коронавание императора Карла V, когда он встал над всем тем, что Европа узрела со времен Карла Великого, возродили древнюю веру в верховную власть, возвеличенную её союзом с духовенством и добытую ценою независимости народов и равновесия сил между ними. Подвиги Магеллана и Кортеса навели на мысль о неосуществлённых грёзах о необъятной Испании, вызвали к жизни фантом всемирной империи. Жажда неограниченной власти стала с тех пор господствующей силой в Европе, ибо она есть идея, с которой освящённая международным и религиозными признанием монархия никогда не расстается по своей воле.

Русский перевод в кн.: Актон, Джон. "Очерки становления свободы" (*The History of freedom and other essays*) / Лорд Актон; Пер. Юрия Колкера; Под ред. А. Бабича; Предисл. Оуэна Чадвика. London : Overseas publ. interchange, 1992